

В мире, если вы спросите, какой ресторан самый роскошный, все вам ответят - башня Тансяо в Лояне.

Башня Тансяо - место, где так любят веселые беседы и пение. Герои Цзянху, книжники, поэты, все стремятся к этому. Не говоря уж о мастерстве великого учителя Линя, который даже не смотрит на императорскую кухню, всего лишь несколько бесценных сокровищ расставленных произвольно в башне Тансяо, заставляли гостей чувствовать себя полностью удовлетворенными, просто сидя там.

В ясный день Бай Шаоцин медленно прошел мимо башни Тансяо, опустив голову.

Простая черная одежда, казалось, была его компаньоном, которому он никогда не изменял. Он опустил голову лишь из-за красоты, подобной женской. Прохожие, внезапно его увидевшие, искоса поглядывали на него. Но таящаяся в его глазах гордыня была хорошо спрятана.

— Только посмотрите, и кого я вижу? — внезапно раздался развязный голос и, появившаяся сбоку рука веером нагло подняла подбородок Бай Шаоцина. Прекрасные контуры лица и сияющие, подобно звездам, глаза немедленно оказались у всех на виду.

Появившийся был пышно одет, и внешний вид его был утонченным. Позади стояли несколько здоровяков, демонстрирующих его уникальный статус.

Увидев лицо Бай Шаоцина, его глаза ярко вспыхнули и он расхохотался.

— Кто бы мог подумать, что увижу здесь третьего молодого господина! Когда дядя отмечал свой пятидесятый день рождения я заболел и не смог его поздравить. Как там моя тетья?

Только услышав его голос, терпение Бай Шаоцина лопнуло.

Этот Сун Сюэлань — родной любимый племянник Сун Сянли, и он еще более отвратительный, чем Бай Шаосинь. Как его угораздило столкнуться с ним?

— Младший брат Шаоцин прибыл в Лоян, так почему не пришел поздороваться со мной? — Сун Сюэлань издевательски шагнул вперед и схватил Бай Шаоцина за запястье. — Только посмотри в какое рваньё ты одет. Люди могут подумать, что тетья с тобой плохо обращается!

Бай Шаоцин равнодушно произнес:

— Шаоцин путешествовал и учился, и прибыл в Лоян всего на один день.

Какая жалость, что сейчас он у всех на виду; если бы они столкнулись там, где никого нет, эта рука уже была бы изрублена на мясной фарш.

— Только на один день? Ладно, тогда составь мне компанию. Сначала пойдем поедим в башню Тансяо.

Не обращая внимание на сопротивление Бай Шаоцина, Сун Сюэлань потащил его к ресторану.

— Посмотри на себя, полагаю, денег у тебя не хватит. Не бойся, когда мы поедим, старший брат даст тебе немного.

Эта рожа похоже рассматривала Бай Шаоцина как куклу, присланную к его двери для удовольствия.

На самом деле избавиться от хватки Сун Сюэланя несложно. Один способ — "Безграничное счастье", может опрокинуть его на землю и заставить жрать дерьмо; или другой способ — "Танец темного дракона" может подбросить его в воздух и подвесить на вывеске башни Тансяо; а если не так, то с недавно выученным "Ласточки, летящие парой", можно мечом проделать в нем сквозную дыру.

Он — Летучая Мышь, разве трудно убить ничтожного сынка в шелковых штанишках?

К сожалению, сейчас он Бай Шаоцин. Тот Бай Шаоцин, который не знает боевых искусств.

— Я собирался уехать из Лояна, учитель... — равнодушно заговорил Бай Шаоцин, устроившись в изящной крытой комнате.

Войдя в комнату, Сун Сюэлань стал еще больше развязным.

— Веселье еще не началось, куда ты собираешься? — усевшись рядом с застывшим Бай Шаоцином, он больше не скрывал своего легкомысленного поведения. — Я знаю, что семья Бай плохо обошлась с тобой. Эй, тебя никто не учил искать покровителя? Если бы я присматривал за тобой в присутствии тети, твоя судьба не была бы такой несчастной.

Ручкой веера приподняв подбородок Бай Шаоцина, Сун Сюэлань громко вздохнул:

— Ты становишься все красивее. Все эти годы ты учился, а я несколько раз приходил в дом Бай и все впустую. Хе-хе! Сегодня ты сам попал мне руки.

Бай Шаоцин незаметно сжал кулаки, перевел взгляд на нескольких здоровенных мужчин, стоящих посреди комнаты и медленно разжал кулаки.

Как может молодой господин Бай, в руках которого нет сил, чтобы связать курицу, убивать людей в башне Тансяо, прямо посреди оживленной улицы?

Сун Сюэлань не знал, что его жизнь сейчас подобна тонкой нити на ветру. Посмеиваясь, он погладил Бай Шаоцина по прямой спине. Его непристойное поведение вызвало у Бай Шаоцина нетерпение и гнев, его лицо и глаза явно выражали страх и стыдливость.

— Не делай этого...

Слабое сопротивление, казалось, вызвало у Сун Сюэланя еще большее удовольствие. Он внезапно накрыл тонкие красные губы своими и начал посасывать.

— Какой сладкий. Даже девушки из публичного дома не такие сладкие как ты. Младший брат, будь послушным, с моей помощью семья Бай будет хорошо к тебе относиться.

Такие слова слушать дальше не интересно. Бай Шаоцин мысленно зевнул, в то же время позволив Сун Сюэланю почувствовать дрожь в его теле.

— Ну что? Уже все обдумал? — запустив руку в воротник, он ущипнул небольшую выпуклость и торжествующе произнес: — Если вызовешь мое неудовольствие, не могу поручиться, что моя тетя не найдет какой-нибудь проступок твоей слепой матери.

Проклятье! Бай Шаоцин пришел в ярость.

Пламя гнева сжигало его сердце, но Бай Шаоцин неожиданно улыбнулся изящной

очаровательной улыбкой и мягко произнес:

— Старший брат Сун такой откровенный, кто посмеет обидеть Шаоцина под вашей защитой? Только... — он перевел взгляд в сторону. — Старший брат Сун не собирается демонстрировать все публике?

— Ничего не поделаешь, — Сун Сюэлань кинул беспомощный взгляд на слуг. — В последнее время в Цзянху беспокойно, даже первый ученик школы Хуашань умер при необъяснимых обстоятельствах. К тому же семья Бай тоже оказалась вовлечена. Отец приказал им не отходить от меня. Даже когда писаю, кто-то обязательно присматривает

Он притронулся к нежной белой щеке Бай Шаоцина и хохотнул:

— За эти два дня они уже привыкли. Два дня назад мы всю ночь играли с двенадцатью красотками в башне Сайчунь, так они они смотрели застыв на месте!

Если проявить себя, придется убить семерых в этой комнате. Многие люди видели, как он шел с Сун Сюэланем в башню Тансяо. Как потом привести все в порядок? Пока Бай Шаоцин думал, его пояс оказался развязан.

Полы его одежды широко распахнулись, обнажив половину груди, с такой белой кожей, что невозможно отвести взгляд. Даже охранники глупо вытаращились.

— Такое нежное тело, — в нетерпении он грубо поцеловал его.

Бай Шаоцин горько усмехнулся. Либо издевательства, либо разоблачение — отличный вопрос со множеством вариантов ответов.

Крепкие, немного стройные бедра отнюдь не нежно были раздвинуты, подол задран до талии. Сквозь тревогу из комнаты по соседству долетели легкие звуки шагов. Было очевидно, что гость, заказавший соседнее помещение, уже прибыл. Чтобы заказать крытую комнату в башне Тансяо, нужно быть благородным человеком.

Бай Шаоцин наострил уши и сердце его упало. Звук шагов был спокойным и неторопливым, должно быть это мастер боевых искусств. Если это так, то сейчас начинать еще более неуместно.

Неужели придется терпеть?

Внезапно его нижняя часть тела была нагло схвачена. Бай Шаоцин тихо застонал и повернул голову, чтобы посмотреть на Сун Сюэланя.

Те, кто придерживаются так называемого "праведного пути", больше всего ненавидят распущенность, и не будут игнорировать такие вещи. Как только гость по соседству узнает, что здесь происходит, он обязательно появится, чтобы остановить его.

Подумав об этом, Бай Шаоцин застонал еще громче.

— Пощади меня! — его глаза наполнились слезами, как у ягненка на заклании.

Увидев его таким, кто бы мог согласиться пощадить? И верно, Сун Сюэлань пошло ухмыльнулся.

— Подожди немного и снова умоляй о пощаде.

— Брат Сун, пожалуйста, не будь таким. — Бай Шаоцин вдруг громко закричал. — Хоть я и не родной сын госпожи Бай, но я кровь от крови семьи Бай. Если ты так опозоришь меня, я... я лучше умру.

Когда он закричал, он прислушался, и заметил, что в соседней комнате действительно стало тихо. Очевидно, там обратили внимание на звуки отсюда.

— Эй-эй, заупрямился? Отлично, мне нравятся строптивые лошадки.

Сун Сюэлань возбужденно приподнялся, сорвал с тела Бай Шаоцина оставшуюся одежду, сильно прижал его и схватил сияющую белоснежную лодыжку.

Бай Шаоцин раздвинул свои бедра перед Сун Сюэланем, прикидывая время, когда "спаситель" ворвется внутрь. В тот момент не обойтись без горьких слез. Пусть слухи о том, что третий молодой господин Бай не в состоянии защитить себя разлетятся по всему Цзянху.

— Твоя кожа такая мягкая, даже более гладкая, чем у новой наложницы в моей семье, — со смехом сказал Сун Сюэлань.

— Нет... Не надо... — Бай Шаоцин нахмурился, едва взглянув в отвратительную физиономию.

Пронзить сердце десятью тысячами игл из секты небожительниц Тяньшань и три дня оплакивать смерть — это наиболее подходящий способ для Сун Сюэланя. Но для того, чтобы нанести удар, потребуется примерно один-два месяца, чтобы не вызывать подозрений.

Сун Сюэлань протянул руку и коснулся белоснежного бедра.

Ладно, Сун Сюэлань всего лишь животное, и через стену тоже енот с того же холма, бросил на произвол судьбы. Когда закончу с этим, по фамилии Сун, пойду разберусь и с вами.

В такой ситуации ничего не поделаешь, придется раскрыть свою личность.

Бай Шаоцин стиснул зубы и незаметно потянулся к пояснице.

— Остановись, — вдруг послышался спокойный голос, который не был незнакомым.

Легкий и очень мягкий, можно было услышать, что говорящий — благовоспитанный сын благородной семьи.

Хоть он легкий и нежный, но в нем есть величие, потрясающее чувства людей. Излишне сладострастный Сун Сюэлань услышал его. Это было похоже на сильный тычок прямо в ухо, который заставил его растерянно поднять голову.

Бай Шаоцин не обратил внимания. Наслушался вдоволь к своему удовольствию и только тогда милостиво явился. Но даже если дешево, надо брать.

Дверь открылась.

За ней уже стоял человек. На самом деле за дверью стоял не один человек. Просто когда он стоял там, блеск и присутствие других людей гаснет и сходит нет.

Будто под небом стоял только он один.

Когда занавес двери открылся, взгляды всех людей в комнате, конечно, метнулись к этому человеку.

Зеленая одежда, синяя повязка, изумрудный меч.

Взгляд Фэн Луна ничуть не свирепый, но даже этот не свирепый взгляд лишен равнодушия. Шестеро слуг тотчас съежились от страха и отступили. Сун Сюэлань спрыгнул с Бай Шаоцина, словно его ударили ножом.

— Ве... Великий молодой господин Фэн Лун?

— Не могу поверить, член семьи Сун собирается совершить такой ужасающий поступок? — Фэн Лун повернулся и посмотрел на Бай Шаоцина. — Фэн Лун — человек Улинь, а башня Тансяо принадлежит нашей семье. Я не могу игнорировать нечто подобное.

Он равнодушно распорядился:

— Кто-нибудь, позаботьтесь о Сун Сюэлане. Дождемся решения старшего Суна.

Люди позади него ответили утвердительно и собрались вокруг, проворно связав Сун Сюэланя и остальных.

— Фэн Лун, ты смеешь связывать меня? Моя семья не такая покладистая.

Слабый духом Сун Сюэлань напустил на себя суровый вид и громко крикнул, поднимаясь на ноги. Тот, кто связал его, с готовностью наградил его несколькими резкими пощечинами.

— Заткнись! Бесстыдник западный. Совершив такой грязный поступок, ты еще осмеливаешься орать перед нашим господином! — после пощечин Сун Сюэлань стал похож на свиную голову и больше не решался заговорить.

— Выйдите все.

— Да, — все мгновенно очистили помещение.

Бай Шаоцин достаточно насмотрелся на всю эту суматоху и медленно встал со скамьи. Он двигался чрезвычайно медленно, будто был физически и духовно истощен; он двигался медленно, но позволял невысказанной слабости тихо выскользнуть; он двигался медленно, и его беззащитный и утонченный темперамент привлекал человеческое сердце.

Поднявшись, он одной рукой прикрыл свою полуобнаженную белую грудь.

В молчании, с бесконечной холодной гордостью.

— Третий молодой господин Бай, как ты?

— Я в порядке, большое спасибо, господин Фэн, — эти слова самые правильные. Чистые и холодные, грустные, но не горькие. Никто не сможет услышать раздражения в этих словах.

Однако Фэн Лун смог.

— Ты злишься?

— Почему? — Бай Шаоцин прикинулся удивленным и посмотрел на него. Отвернувшись, он снова повторил: — Я в порядке, большое спасибо, господин Фэн.

Фэн Лун молча, не говоря ни слова, сделал пару шагов вперед. Его глаза были так бездонны, что никто не мог разглядеть, что таилось в них. Бай Шаоцин отступил на два шага и подумал: "Неужели он такое же животное, как и Сун Сюэлань? Хм! Все люди в Цзянху бесстыжие, чем господин семьи Фэн лучше семьи Сун?"

Вопреки ожиданиям, Фэн Лун подошел к нему и неожиданно скинул верхнюю одежду, мягко накрывая тело Бай Шаоцина. Его движения были очень нежными. Бай Шаоцин не отказался и не уклонился, заворачиваясь в накидку.

Что еще более удивительно: Фэн Лун присел и глубоко поклонился Бай Шаоцину.

— Господин Фэн, что это значит? — Бай Шаоцин гордился тем, что просчитывает все безошибочно, но это было слишком неожиданно.

— Шаоцин не достоин.

— Фэн Лун виноват перед третьим молодым господином Баем. На самом деле Фэн Лун и остальные находились по соседству, и давно слышали звуки отсюда. Но Фэн Лун не позволил им прийти на помощь, в результате чего третий молодой господин было оскорблен Сун Сюэланем.

Бай Шаоцин подумал, что знал об этом давным-давно, но вслух удивленно произнес:

— Если... Если вы знали, почему тогда...

Фэн Лун поднял на Бай Шаоцина чистые глаза и смущенно произнес:

— Это из-за меня... Оказывается...

Он пристально посмотрел на Бай Шаоцина и извинился:

— Оказывается ты действительно не знаешь боевых искусств.

Бай Шаоцин вдруг осознал. Фэн Лун уже давно подозревал его! Если бы он только что сделал шаг, это было бы равносильно признанию того, что он и есть Бянь Фу, творящий зло по всему миру.

Фэн Лун, совершивший большую ошибку, трижды вздохнул и от всего сердца сказал Бай Шаоцину:

— Брат Бай, Фэн Лун сомневался в тебе и сильно подвел. Фэн Лун готов расплатиться своей жизнью.

Подняв руки, он действительно протянул ему изумрудный меч.

Глаза Бай Шаоцина блеснули. К счастью, Фэн Лун опустил голову, признавая свою ошибку, и ничего не заметил. После тщательного размышления, Бай Шаоцин легкомысленно заявил:

— Это потому, что Шаоцин бесполезен. Какое отношение это имеет к господину Фэну? Кто в Цзянху не знает, что третий молодой господин семьи Бай фиктивный, любой может оскорбить. Но господин Фэн подозревает Шаоцина. Впрочем, мы редко видимся.

— Теперь, когда брат Бай так сказал, Фэн Лун еще больше стыдится. Фэн Лун готов на все, чтобы загладить свою вину.

Очень хотелось сказать Фэн Луну: "Если правда хочешь загладить вину, тогда передай мне известный на весь мир изумрудный меч и изумрудную технику Сердца."

Бай Шаоцин холодно фыркнул:

— Как я могу желать возмещения от молодого господина? Я лишь попрошу не обманывать меня в будущем. Если бы мне можно было на кого-нибудь положиться, разве кто-то осмелился меня задирать?

В его интонациях было немного печали.

— Фэн Лун никогда никому не позволит оскорблять третьего молодого господина Бая.

— Тогда мы могли бы поклясться.

— Поклясться?

— Как, вы не согласны?

Фэн Лун на мгновение остолбенел, а затем кивнул:

— Хорошо, мы поклянемся. В будущем, когда ты будешь ходить по свету, кто бы ни посмел тебя оскорбить, с помощью изумрудного меча я изрублю его в фарш. Я сейчас же прикажу приготовить вино и благовония.

— Для клятвы нужно только сердце, — на красивом лице Бай Шаоцина появилась слабая улыбка. — Старший брат, не забудь свои слова. Мы братья, и если в будущем кто-то обманет или оскорбит меня, ты должен будешь заступиться.

— Милый брат Бай, — мягко улыбнулся Фэн Лун. Его взгляд коснулся красного запястья Бай Шаоцина, за которое схватил Сун Сюэлань, и он огорченно произнес: — Ох! Я все еще чувствую вину.

— Мы братья, к чему беспокоиться? — сказал Бай Шаоцин. — С этого момента ты можешь называть меня Шаоцином. Кроме матери, только старший брат может так меня называть.

— Шаоцин...

Бай Шаоцин вдруг расхохотался:

— Хоть я и познакомился сегодня с юмором Сун Сюэланя, но нет худа без добра, у меня появился старший брат. Не беспокойся. До тех пор, пока об этом не узнают, для чего мужчине подобное целомудрие? Говорят в башне Тансяо самое лучшее вино. Давай смоем всю эту грязь отличным столетним вином?

— Хотя Шаоцин и не разбирается в боевых искусствах, но обладает великодушной натурой, это

редкость, — изящная улыбка коснулась губ Фэн Луна. — Такому милому брату я должен поклониться с лучшим столетним вином.

В башню Тансяо будто ветром принесло оживленные разговоры и смех.

Этим вечером сияли разноцветные фонарики.

— Сегодняшнее дело, можно попросить старшего брата, никому о нем не рассказывать?

— Фэн Лун клянется, что никогда не упомянет об этом. А если кто-то осмелится рассказать, убью безо всякой жалости.

— Но Сун Сюэлань...

— Это животное изначально заслуживает смерти, вот только боюсь, убийство по этой причине подорвет репутацию брата.

— Старший брат имеет в виду...

— Не волнуйся, — Фэн Лун улыбнулся.

Разумеется, Бай Шаоцин не волновался. Если слова Фэн Луна не успокоят, то кто в Цзянху вообще может успокоить?

Но он все-таки нахмурился:

— Если вдруг кто-то узнает, репутация старшего брата тоже пострадает. Из-за таких людей, как Сун Сюэлань, это того не стоит.

— Старший брат все устроит. Выпей!

Столетнее вино пили залпом.

Кто мог предвидеть, что молодой господин семьи Бай, только что переживший позорное унижение, будет пить за одним столом с всемирно известным изумрудным мечом Фэн Луном.

*П/п: Это не опечатка. Если кто читал Систему Мосян, может помнить, что мастеров меча называли мечами.

На следующий день Сун Сюэлань и его слуги были убиты в саду за домом, после того, как вернулись с позором.

Сухая тонкая летучая мышь оказалась приколотая к широко раскрытым в изумлении глазам Сун Сюэланя, и еще добавлены несколько больших иероглифов. У семьи Сун действительно не было никаких приемов, и Бянь Фу пришлось использовать самый распространенный — Черный Тигр вырывает сердце.

Фэн Лун лично пришел засвидетельствовать свое почтение и поклялся убить ненавистного Бянь Фу. Когда он вернулся в башню Тансяо, Бай Шаоцин уже бесследно исчез, отправившись учиться.

Смерть Сун Сюэланя подняла репутацию Бянь Фу на новые высоты. На всех улицах обсуждали наглую Летучую Мышь, непостоянство Летучей Мыши, и и разнообразные боевые приемы

Летучей Мыши.

Шагая по дороге в Лоян, Бай Шаоцин улыбнулся. В семье Сун действительно не было желанных уникальных приемов; но если бы Бянь Фу был тем, кто приложил к этому руку, это был бы не Черный Тигр, вырывающий сердце. Скорей он использовал десять тысяч игл, пронзающих сердце.

Стройный силуэт постепенно исчез вдали.

В Цзянху опасно, в Цзянху отвратительно, но разве можно покинуть эту радующую Цзянху.

Палящее солнце висело над головой. Путник замедлился, иногда посматривая на величественный огненный шар, и снова торопливо опуская голову, продолжал свой путь в поту.

Отнюдь не все торопятся пуститься в дорогу.

Бай Шаоцин Бянь Фу, дорамная версия. Хорошенький? Оставьте ему комментарий)

<http://bllate.org/book/15169/1340535>